

ИЗ «ДЕТСКИХ СКАЗОК» ЩЕДРИНА

НЕ ПРЕДНАЗНАЧАВШАЯСЯ ДЛЯ ПЕЧАТИ «БАСНЯ»
О ЦАРЕ АЛЕКСАНДРЕ II И СИНОДЕ

Публикация С. А. Макашина

Осенью 1891 г. известный либеральный публицист Г. А. Джаншиев взялся за подготовку благотворительного сборника в пользу жертв очередного российского голода. В поисках материалов он обратился к старинному товарищу и приятелю Салтыкова А. М. Унковскому с просьбой предоставить для задуманного издания находящиеся в его распоряжении письма сатирика. На это Унковский отвечал в письме от 15 октября:

«Извините, многоуважаемый Григорий Аветович, что так долго не откликался на ваше письмо (...). Причиной этого было желание исполнить вашу просьбу, но, к величайшему сожалению, у меня не оказалось ни одного письма М. Е. Салтыкова, которое могло бы быть напечатано. Так как мы прожили с ним около 25 лет не только в одном городе, но даже большею частью на одной улице, то я получал от него либо пустые записки, не имеющие никакого значения, либо, при кратковременной разлуке, забавные эпистолы неприличного содержания. Поэтому ничего выбрать из них нельзя. Не печатать же письма, содержащие известные вам детские сказки?»

Джаншиев, однако, как выяснилось, не имел никакого понятия о «детских сказках». Заинтересованный словами Унковского, он попросил разъяснить ему, что это за «сказки» и почему они непригодны для печати? В ответном письме, датированном 29 октября 1891 г., Унковский сообщал:

«Сейчас получил ваше письмо, многоуважаемый Григорий Аветович, и спешу уведомить вас, что относительно издания имеющихся у меня детских сказок Салтыкова не может быть никакого вопроса. Когда вы увидите их, то сами скажете, что их нельзя не только печатать, но даже и в рукописи посылать иначе, как с нарочным и с условием не показывать никому, кроме ближайших и надежнейших друзей мужеского пола. Это — не что иное, как самые похабные фантастические рассказы на реальной подкладке, имеющие значение самой злой и забавной сатиры. Само собою разумеется, что в них нет не только ни одного приличного слова, но даже ни одного факта, который бы мог быть рассказан при детях. Я удивляюсь, как вы их не видали. Они любопытны именно тем, что написаны Салтыковым в то время, когда он не мог делать ни одного движения вследствие страшных ревматических болей. Как это ни странно, но в 1875 и 1876 годах, когда он почти неподвижно лежал или сидел больной в Монтрё*, я получал от него самые веселые письма. Вот в это самое время им был написан забавный роман в переписке Н(иколая) П(авловича) с Поль-де-Коком, пропавший у одного из наших общих знакомых — Александра Николаевича Еракова, теперь уже умершего. Впрочем, чтобы вы не возымели сомнения в справедливости моих слов, я расскажу в доказательство содержание одной из этих басен под заглавием „Архиерейский насморк“».

* Нужно: в Нице.— С. М.

Дальше в публикации «Голоса минувшего», где появились цитированные письма (1914, № 11, стр. 241 и 242), следовало многоточие: изложение «сказки» в печати не появилось.

Основываясь на словах Унковского, читатель вправе был отнести эту кушюру целиком за счет «неприличного содержания» «басни».

Лишь теперь, когда эта «басня» или «сказка» впервые становится достоянием гласности, мы имеем возможность устранить односторонность такого представления. Тем самым вносится поправка и в сделанную Унковским общую характеристику всей группы произведений Салтыкова, относящихся к особому виду его творческой активности — рвавшейся наружу почти стихийно под воздействием императивной силы его сатирического темперамента.

«Фантастические рассказы на реальной подкладке», о которых пишет Унковский, создавались Салтыковым в письмах к друзьям — создавались без какого-либо расчета на печать, а значит и без всякой оглядки на цензуру. Некоторые из «рассказов», судя по дошедшим до нас, действительно имели ярко выраженную «раблезианскую» окраску; им свойственна грубость круто посоленного «мужичьего» юмора. Но, во-первых, вовсе не все «забавные эпистолы» имели такую окраску. Ее совершенно лишены, например, дошедшие до нас фрагменты из «романа в переписке Николая Павловича с Поль-де-Коком» — яркие образцы утаенной политической сатиры Щедрина («Лит. наследство», т. 1, 1931, стр. 191—194). А во-вторых, за внешней грубостью и даже непристойностью иных «эпистол» всегда скрывалась серьезная мысль большой щедринской сатиры.

Заявление Унковского в письме к Джаншиеву о «детских сказках», что для печати «ничего выбрать из них нельзя», было вполне обоснованным в условиях царской цензуры. Однако главной помехой тут были, по крайней мере, в отношении к «Архиерейскому насморку», вопросы политики, а не благопристойности.

Ядовитые издевательства над «царем Ароном», «главой церкви», возымевшим «желание прелюбодействовать» и не затруднившимся придать этому желанию «законную» форму, относились непосредственно к царю Александру II. Не выждав и двух месяцев со дня смерти императрицы Марии Александровны (ум. 22 мая 1880 г.), он вступил в морганатический брак со своей фавориткой княжной Е. М. Долгорукой (вскоре она получила фамилию и титул светлейшей княгини Юрьевской). По каноническим же законам русской церкви вступление в новый брак разрешалось лишь по прошествии года со дня смерти одного из супругов.

Таким образом Александр II, обязанный в качестве главы не только государственной, но и церковной власти блюсти ее законы, явился нарушителем их, когда приказал Синоду венчать себя с Долгорукой раньше установленного срока. Обряд венчания был совершен протопресвитером Бажановым 19 июля 1880 г. Но предстоящее событие, хотя и державшееся в тайне, стало предметом внимания общественного мнения как в России, так и за границей. Салтыков узнал о предстоящем бракосочетании царя в Германии, в Эмсе. Отсюда в письме, датированном 17 июля 1880 г., он и послал Унковскому свою очередную «детскую сказку» — «Архиерейский насморк» (см. ниже, на стр. 535 настоящего тома, сообщение «Сожженные письма М. Е. Салтыкова к А. М. Унковскому»).

Миниатюра эта сверкает всеми красками щедринской сатиры. Ее злая насмешка направлена, как всегда у Щедрина, не на частное, а на общее. Она клеймит не личное поведение царя Александра II, как человека, а глубокую безнравственность всего политического быта высшей государственной и церковной власти в самодержавной России.

Откликаясь еще на одно злободневное событие русской политической жизни тех дней — отставку Д. А. Толстого с поста обер-прокурора Синода и вступление в эту должность Победоносцева (апрель 1880 г.), Салтыков набрасывает ядовитые «характеристики» ряда иерархов, призванных по выбору нового обер-прокурора руководить деятельностью этого высшего органа управления православной церкви в России. Заметим попутно, что двух из них Салтыков знал лично, по своей службе в провинции: с митрополитом Филофеем он встречался в Твери, с архиепископом Никандром —

в Туле (см. сборник «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». М.—Л., 1958, стр. 480, прим.).

Впервые публикуемая «детская сказка» Щедрина дает еще одну возможность очень непосредственно ощутить, каким кислородом ненависти к самодержавию и его слугам — государственным и духовным — дышал сатирик. Вложенные им в уста царя Арона слова «знаю много вредного, а полезного ничего не знаю» (это тема будущей «Сказки о ретивом начальнике...»), остро гротескный образ бегущего в Синод митрополита Филофея — «шею вытянул, гриву по ветру распустил, ржет, гогочет, ногами вскидывает», — задавившего по дороге самого бога, — вообще весь неприкрыто издевательский по отношению к высшей власти тон вновь открытой «детской сказки» ярко освещает одну из важных граней в характере и самой личности Щедрина: его внутреннюю свободу от гипноза каких-либо институтов и фетишей этой власти. Свободой этой он владел в полной мере. Она являлась необходимой предпосылкой и питательной средой его обличительного творчества, воспитывавшего в русском обществе чувства ненависти и презрения к антинародному строю царизма и его союзника — церкви.

АРХИЕРЕЙСКИЙ НАСМОРК

Жил был царь Арон, и был глава церкви. Только спрашивает он однажды обер-прокурора Толстого: «Какие у архиереев привилегии?» Отвечал Толстой: «Две суть архиерейские привилегии: пить архиерейский настой и иметь архиерейский насморк». Рассердился царь. «Архиерейский настой я знаю, но отчего же мне, главе церкви, архиерейского насморка не предоставлено? Подавай в отставку». Подал Толстой в отставку; призывает царь нового обер-прокурора Победоносцева и говорит: «Чтобы завтра же был у меня архиерейский насморк!» Смущился Победоносцев, спешит в Синод, а там уж Святой дух обо всем архиереям пересказал. «Так и так, — говорит Победоносцев, — как хотите, а надо царю честь оказать!» — «Но будет ли благочестивейшему государю в честь, ежели нос у него погибнет?» — первый усумнился митрополит Макарий. — «А я к тому присовокупляю, — сказал митрополит Исидор, — лучше пускай все сыны отечества без носов будут, нежели падет единый влас из носа царя без воли божией». — «Как же с этим быть?» — спрашивает Победоносцев.

Вспомнили тогда архиереи, как Яков Долгорукий царю Петру правду говорил, и сказали Филофею митрополиту: «Иди к царю и возвести ему правду об архиерейском насморке». Предстал Филофей пред царя и пал на колени: «Смилуйся, православный царь, — вопил он, — отмени пагубное оное хотение!». Однако царь разгневался: «Удивляюсь я, старый пес, твоему злосчастию, — сказал он, — вы, жеребцы несытые, готовы весь мир заглотать, а меня, главу церкви, на боках оставить». — «Но знаешь ли ты, благоверный государь, что означает сей вожделенный для тебя архиерейский насморк?» — вопрошал Филофей, не вставая с колен. — «Образование я получил недостаточное, — отвечал царь, — а потому знаю много вредного, а полезного ничего не знаю. Был у меня, впрочем, на днях Третий Филиппов и сказывал, бывает простой архиерейский насморк и бывает с бобонами, но затем присовокупил: „Тайна сия велика есть“, — шед, удавился!». Тогда увидел Филофей, что теперь самое время царю правду возвестить, пал ростом на землю и, обლობызав шпору цареву, возопил: «Не разжигайся, самодержец, но выслушай: привилегия сия дарована архиереям царем Петром <...> Сколь сие изнурительно, ты можешь видеть на мне, богомольце твоем. Еще в младенчестве был я постигнут сим <...> родители же мои, видя в оном знамение грядущего архиерейства, не только не прекращали такового, но даже всеми мерами споспешествовали. Потом, состоя уже викарием приснопамятного митрополита Филарета,

я <...> едва не потерял носа и только молитвами московских чудотворцев Петра, Алексия, Ионы и Филиппа таковой удержал. Так вот она привилегия эта какова».

Выслушал царь Филофеевы слова, видит, правду старый пес говорит. «Спасибó тебе, долгогривый, что мой нос от погибели остерег. А все-таки надо меня чем-нибудь за потерю привилегии вознаградить. Иди и возвести святителям: имею я желание прелюбодействовать». Не взвидел света от радости Филофей. Бежит в Синод, шею вытянул, гриву по ветру распустил, ржет, гогочет, ногами вскидывает. Попался бог по дороге — задавил. Долго ли, коротко ли, а, наконец, прибежал. «Так и так, — говорит: силою твою возвеселится царь. Повелите-ка, святые отцы, из архива скрижали Моисеевы вынести». Поняли святители, что дело на лад идет, послали за скрижалями. Видят, на второй скрижали начертано: не прелюбодействуй! «Хорошо сие для тех, — молвил Никандр Тульский, — кои насморк архиерейский имеют». — «Для тех же, — возразил протопресвитер Бажанов, — кои такового не имеют, совсем без надобности, ибо тем только подавай». Судили, рядили, наконец, послали за гравером Пожалостинным. Спрашивают: «Можешь ли ты к сему присовокупить: *Царь же да возвеселится?*» — «Могу», — отвечал Пожалостин и, вынув резец, начертал. Тогда Синод постановил: копию с исправленных оных скрижалей отослать для сведения в правление райских селений, в святцах же на сей день отметить тако: разрешение вина и еляя.

Автограф. ИРЛИ, Р. III, оп. 1, ед. хр. 1868.